RNE CO II

Роман РУБАНОВ

ДЫМ АКАЦИЙ

* * *

Внезапно музыка случится, слетит, как провод оголенный.

- По ком чирикаешь, синица?
- По первой веточке зеленой.

По мне ли плачешь ты, московка, в недосягаемой мне выси, где бирюзовые осколки над зеркалом реки повисли?

Дай эту музыку дослушать. Там небо с серыми глазами закат над горизонтом тушит, где ветки руки нам лизали,

где перед нами расступались цветы и головы склоняли... Что плачешь ты, поешь печалясь? Кого зовешь ты? Не меня ли?

* * *

Я как лодочка уплыву посмотри на меня уходящего за деревья за синеву так легко по воде скользящего

посмотри и махни рукой и послушай как откровенно я с тобой говорю рекой протекающей внутривенно

я всю нежность сполна верну и качнувшись как будто влево лес и реку переверну и они обратятся в небо

* * *

Твои руки, словно белая сирень, пахнут ладаном и медом на Страстной... Вечер стих и, словно спички, отсырел, потому что дождь вчера стоял стеной.

Скоро свет пасхальный вспыхнет в алтаре, и черемухи оденутся в невест, и польется над землей: «Христос воскрес!» И земля вздохнет: «Воистину воскрес!»

* * *

Лес будет вырублен. А дальше построят дачные дома. Родные милые страдальцы — ореховки сойдут с ума.

За птичьим поминальным ором, за треском бревен, ветром за вдруг запоет сиротским хором вдали чернеющий пейзаж.

Так жизни линию стирают: в ладонях проступает тьма и входит долгая, сырая, одноэтажная зима.

Ложится белое, пустое... Идешь по улице без сил. Мир так огромен, но что стоит его, как свечку, погасить? Открывается звездная дверь всем, кто вписан в небесный канон, и в акации прячутся две — птица сивка и птица конек.

Дым акаций тягучий, как мед. Отвернешься и сделаешь вдох. И стоишь то ли жив, то ли мертв, то ли ночь говорит, то ли Бог.

Шум деревьев на той стороне. Душно, и подступает гроза. Эта ночь открывается мне и за реку отводит глаза.

Я, прикованный к звездам, стою, и плывет под ногами земля. Твоим голосом птицы поют, словно райские кущи сулят.